

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЛИНА

1

В коробке были книги. Они-то и привлекли мое внимание. Светоний, Плутарх. За ними старое издание Еврипида и рядом Анненский с «Книгой отражений». Я было решила, что владелица коробки — студентка-филолог, но возле Анненского лежал и «Шелкопряд», и Пратчетт с «Благими знаменьями», и совсем уж внезапный Юрий Коваль с моим любимым «Недопёском».

Прищурившийся песец на обложке и три дурашливые сине-зеленые собаки над ним — последнее, что я помню.

Дальше — темнота.

Случилось бы то, что случилось, если бы я не остановилась, чтобы бросить взгляд на потрепанные книги?

Думаю, да.

Потому что эта история началась не с коробки. И даже не с моей лжи, которая и привела меня в итоге в чужой страшный дом.

ЕЛЕНА МИХАЛҚОВА

Она началась с потрескавшейся оконной рамы, сквозь которую пробрался жучок.

Сентябрь. За восемь месяцев до темноты

Монтажников было двое. Первый, на вид немногим старше сорока, сражал потрепанным великолепием, словно ковровая дорожка в ведомственной поликлинике. Лысина его блестела. Подтяжки надувались на животе, как стропы, удерживающие воздушный шар. Он снисходительно поглядывал на меня, а встречу начал с насмешливого вопроса, есть ли дома взрослые. Эмма называет таких «хозяйственный жулик». Однако «жулика» порекомендовала мне она сама — бригада поменяла ей окна быстро и качественно, как и было обещано. К тому же бабушку подкупили их манеры.

— Полечка, ты не поверишь: эти вахлаки переобулись в прихожей.

— Эмма, сейчас все переобуваются. Даже врачи носят с собой бахилы.

— А один, между прочим, отвесил мне изысканный комплимент. — Бабушка, по своему обыкновению, меня не слушала. — Сказал, что я напоминаю ему балерину Анну Павлову. Утонченный нынче пошел монтажник... Это приятно. Ты должна сменить окна, милая, не спорь, это мой подарок тебе на день рождения! В прошлый раз я видела у тебя жука-древоточца. В один прекрасный день ты проснешься, потому что рамы превратятся в труху и стекла просто выпадут на асфальт! Бамц! Вдребезги! Может быть, какому-нибудь растяпе отрезет голову осколком... — мечтательно закончила бабушка.

ПОСМОТРИ, ОТВЕРНИСЬ, ПОСМОТРИ

В этом вся Эмма: щедрая, взбалмошная и несколько кровожадная. Возражать бессмысленно. Кстати, день рождения у меня в июле.

Старые деревянные рамы и впрямь изветшали. Зимой вздыхали и присвистывали, как беззубый старик. Летом в них роилось мелкое насекомое племя — какие-то крошечные муравьишки, букашки, — «тля мимолетная», говорит про таких Эмма.

Иногда я находила тлю мимолетную в сахарнице или в вазочке с печеньем. Кое-кто обживал карманы моего пальто.

Это пальто — драповое, сумрачно-серое, тяжелое, как рыцарские доспехи, — много лет висит на плечиках портновского манекена возле гардероба. В сумерках оно неизменно напоминает мне призрака, который вышел из стены и остановился в растерянности, позабыв, куда намеревался идти. Старенькое привидение с провалами в памяти.

Я люблю эту вещь за трогательную нелепость. Купила в секонд-хенде много лет назад. Спустилась в крошечный подвальчик и сразу увидела его. Грустное и одинокое, пальто стояло в углу, как неприкаянная лошадь, и было ясно, что ему очень много лет. Большинство моих ровесников не видели мультфильм «Варежка». Но я из тех выросших детей, что навсегда травмированы девочкой и ее маленькой собачкой. Мне требовалась зимняя обувь, денег было в обрез. Однако ушла я в обнимку со старым драповым пальто. Те, кто всегда берет в магазине одинокие бананы из ящика, меня поймут.

С тех пор пальто живет в моей квартире — нечто среднее между домашним питомцем и молчаливым укором. Носить его невозможно: оно ложится на пле-

ЕЛЕНА МИХАЛҚОВА

чи тяжестью всех скорбей мира. Я рассываю по его карманам сигаретные пачки и втыкаю в отложной воротник свои броши.

Второму монтажнику было на вид около тридцати. Мне показалось, он как-то растерялся, увидев меня, но я списала его замешательство на то, что Эмма с ее причудливым воображением соткала для меня развесистую биографию. С нее стало бы рассказать, что я — карлица из циркового шоу.

Проведя мастеров в комнату, я укрылась на кухне. Для работы мне нужны только ноутбук и тишина, но было ясно, что тихо в ближайшее время не будет.

От чужой повести меня отвлек негромкий стук в дверь. Младший из работников попросил попить.

Пока я наливала воду, он смотрел на меня не отрываясь. Про другого человека я бы сказала «пялился». Но его взгляд был внимательным и как будто чуточку недоумевающим.

— Я вам кого-то напоминаю? — не выдержала я.

— Да, — кивнул он. — Мою жену.

— Вы давно женаты?

— Я не женат, — с улыбкой ответил он.

В первую секунду я опешила, потом рассмеялась. Старый как мир подкат, скажете вы, того же рода, что и вопрос: «Вашей маме зять не нужен?» Возможно. Но, видите ли, у него была, если можно так выразиться, вполне серьезная улыбка. Он смотрел на меня мягко и в то же время с такой уверенностью, что это даже вгоняло в оторопь.

— Боюсь, вы опоздали, — сказала я, сохраняя шутливый тон. Хотя мне уже тогда было ясно, что все это выходит за пределы шутливого флирта с симпатичной молодой хозяйкой квартиры в надежде на

ПОСМОТРИ, ОТВЕРНИСЬ, ПОСМОТРИ

чаевые или, чем черт не шутит, необременительный романчик. — Я замужем.

Мы развелись с Димкой пять лет назад. Вряд ли Эмма успела посвятить незнакомых людей в обстоятельства моей семейной жизни. В таких вопросах она щепетильна.

Парень покачал головой:

— Это не имеет значения.

— Неужели?

— Да.

Повисло молчание.

— Мне нужно работать, — сказала я наконец, скрывая смущение и, пожалуй, испуг. Мне пришло в голову, что за этой поразительной самоуверенностью может таиться что угодно.

Он улыбнулся, тщательно вымыл стакан и поставил на сушилку, безошибочно определив, где нужный шкафчик. Уходя, он бросил взгляд на подоконник и заметил на нем черного жучка.

Прежде чем я успела сказать: «Не надо, не трогайте его!», он шагнул к насекомому и осторожно сгреб в ладонь. Затем исчез. Хлопнула входная дверь.

Через окно я наблюдала, как он появился перед подъездом, огляделся, выбрал самый зеленый клочок земли во дворе, присел на корточки и бережно спустил невидимого сверху жучка в густую траву.

Я почему-то ждала, что, вернувшись, парень снова заглянет на кухню. Но этого не произошло. Монтажники трудились несколько часов без перерыва, а около четырех старший позвал: «Хозяйка, принимай работу».

Младший исчез. Я похвалила новые окна, в которых ничегошеньки не понимала, расплатилась с тол-

ЕЛЕНА МИХАЛҚОВА

стяком и вернулась к рукописи. Но вскоре в дверь позвонили.

Когда я открыла, парень протянул мне маленькую ярко-оранжевую тыкву. В нее, как в вазу, были воткнуты разноцветные герберы.

Впервые вижу человека, который при первом знакомстве дарит девушке тыкву.

И это было, черт возьми, очаровательно.

— Мисевич, — сказал он все с той же едва уловимой улыбкой.

— Что, простите?

— Моя фамилия — Мисевич. Антон Мисевич. А ваша?

— Журавлева.

— Ваша красивее, — подумав, решил он. — Не будем менять ее на мою. — И прежде, чем я успела что-то сказать, попрощался и сбежал вниз по лестнице.

Я пожалала плечами и пробормотала: «Нахал». Тыква лежала в моей ладони, гладкая, солнечная, и, казалось, грела мне пальцы.

2

Антон переехал ко мне три недели спустя. Я не склонна к опрометчивым решениям. Но он заразил меня своей уверенностью в том, что мы должны быть вместе. «Кажется, я понимал это еще до того, как тебя увидел, — признался он однажды. — С самого утра было чувство, будто что-то произойдет».

Что я знала о нем, когда он перевез свои вещи?

Что ему тридцать три. Что он никогда не был женат и у него нет детей. Вырос в маленьком городке под

ПОСМОТРИ, ОТВЕРНИСЬ, ПОСМОТРИ

Новосибирском. Не поддерживает никаких отношений со своей семьей. Жил в Санкт-Петербурге, но два года назад решил на переезд в Москву — по его словам, исключительно из-за климата. «Странный город, — как-то сказал он, вспоминая Питер. — Сначала я его совсем не понял, а потом незаметно полюбил. Поедем туда по весне?»

Он мало говорил, но много делал. Кое-какие мелочи в квартире требовали ремонта, и он исправил все до единой. Из крана в душе то и дело начинала течь грязная вода. На мои жалобы ЖЭК не реагировал, а Антон заставил их шевелиться. Он дарил мне цветы и сам менял воду в вазе. Заказывал еду, а когда на меня свалился срочный проект, присылал смешные напоминания, чтобы я не забывала поесть. Он так откровенно мною любовался, что в первые дни я не могла поверить, будто он это всерьез.

3

—**Н**аконец-то наша сиротка нашла себе родительскую фигуру. И втюрилась со всем пылом измордованного сердечка.

Ксения закинула ногу на ногу, затянулась и медленно выпустила струйку дыма.

В своих формулировках она безжалостна. Впрочем, у меня было время привыкнуть.

В школе я не считалась серой мышкой или тихоней, но мне всегда было интереснее одной, чем с компанией, — если только речь не шла о друзьях моих родителей. О, этот мир взрослых ироничных людей! Вино, сыр, синеватый дым над вином и сыром; кто-то начинает цитировать Бориса Рыжего, и ему отклика-

ЕЛЕНА МИХАЛҚОВА

ются строками Янки Дягилевой. Я благоговела перед этими людьми. Готова была слушать часами их изысканный трёт. Выучила наизусть «Ночью черниговской с гор араратских» — потому что один из папных приятелей как-то заметил, что это величайшие стихи гения двадцатого века.

Когда я выросла, мне уже не казалось, что Чичибабин — гений. Но Борис с Глебом и их лошадки, достигающие шерсткой ушей до неба, остались со мной.

Кто я была такая? Девочка, росшая как трава, без всякого присмотра и ограничений. Я обожала «Рамштайн» и знала наизусть все песни «Линкин Парк». Много лет спустя гибель Честера Бенningтона переживала как личное горе.

Джинсы, свитер. В кармане копеечный сотовый — не потому что родители сэкономили, а потому что они не придавали всем этим игрушкам никакого значения. Я носила армейские берцы на подошве толщиной с буханку и каждую неделю рисовала на себе новую татуировку — одну из тех, что украшали тело моего кумира Честера.

Однажды мама заметила сине-красные всполохи на моих запястьях.

— Милая, что это? — рассеянно спросила она.

Я ответила, что это дань восхищения вокалистом моей любимой группы.

Некоторое время мама рассматривала мои тощие лапки.

— Безобразие, — сказала она наконец. — Грязно, неэстетично... Существуют специальные маркеры для временных татуировок. Я поищу.

В этом вся мама! Неделю спустя я стала счастливой обладательницей коробки с пятью маркерами, а на моих руках надолго поселились разноцветные карпы кои.

ПОСМОТРИ, ОТВЕРНИСЬ, ПОСМОТРИ

Говорили ли про меня, что я со странностями? Кажется, нет. Но я держалась особняком, а держаться особняком в седьмом классе означает, что ты — из племени изгоев.

Ксения была королевой класса. Девочка-со-своей-свитой. Мини-юбка, замшевые сапоги — розовые, подумать только! Ее задевало, что я не только не признаю ее главенства, но и вообще не слишком интересуюсь табелью о рангах.

Она попыталась натравить на меня своих подпевал — так, слегка. Что-то вроде тестового покусывания, проверки материала на прочность. Я огрызнулась, а когда на меня надели, пустила в ход кулаки.

Этого от меня не ожидали.

Одноклассникам не было известно, какое участие принимали в моем воспитании мамыны младшие братья. Я — единственный ребенок в довольно большом разветвленном семействе, и на мне отрабатывались педагогические приемы. «Тычь в нос кулаком», — учил Сева. «Коленом двигай в пах!» — показывал Паша. «Всегда бей первая!»

Один из моих обидчиков удрал с окровавленным носом, другому я разбила губу. Случился скандал. Родителей вызвали в школу. Мама вежливо побеседовала по телефону с завучем, пообещала, что явится ровно в шесть, и, положив трубку, мгновенно забыла об этом разговоре. Я даже не уверена, что она знала адрес школы.

А отец всегда был противником системы. «Я готов прийти к ним только с динамитной пашкой», — заявлял он, воинственно колотя вареным яйцом о столешницу.

Администрация школы растерялась. Дело спустили на тормозах, а Ксения Архипова неожиданно для всех объявила, что теперь я под ее защитой.

ЕЛЕНА МИХАЛҚОВА

Она мастер неожиданных ходов.

Ксения буквально продавала идею нашей дружбы. Насильно взяла меня под крыло. Сначала я удивлялась, но со временем открыла, что рядом с ней действительно интересно.

Она была умна, зла, наблюдательна, избалована матерью-одиночкой, навсегда признавшей превосходство своей красивой дочери, и невообразимо ленива. Больше всего ей нравилось валяться на диване, курить и запоем смотреть сериалы. Она показала мне массу отличных фильмов. Иногда на Ксению находил стих, и мы отправлялись гулять в неизведанные места. Заброшенные стройки, промзоны, парки с руинами... Я тогда увлекалась фотографией. Остались снимки: белокурое эфирное создание в платьице и туфельках на каблуках (Ксения не признавала другой обуви) сидит на ступенях цеха. Кирпичи, лопухи, выбитые стекла — мрачная картина разрушения и запустения. И среди всего этого — райская птичка. Чудовищная банальность! Но в то время мы были юными и не пугались банальностей.

В двадцать два я выскочила замуж за однокурсника. Год спустя стало ясно, что мы отличные друзья, но никудышные супруги. Развод почти ничего не менял в наших отношениях, разве что мы разъехались по своим квартирам. Димка иногда забегает к моим родителям — просто поболтать. Я вожу в театр его бабушку. Из нас получились добрые приятели — лучший итог неудавшегося брака.

По неизвестной причине Ксения на дух не переносит моего бывшего мужа. В день, когда мы расписывались, у нее случилась истерика, и после загса мне пришлось отпаивать ее водой.

«Ты с ним будешь несчастна!» — рыдала она.

ПОСМОТРИ, ОТВЕРНИСЬ, ПОСМОТРИ

Я ни дня не была несчастна за весь следующий год. По-моему, это всерьез ее злило.

.....

— Со всем пылом измордованного сердечка! — нараспев повторила Ксения.

Теплым осенним вечером мы сидели на ее балконе. Я — в джинсах и футболке, Ксения — в розовом шелковом халатике, отороченном перьями.

Из института ее отчислили на третьем курсе. Все эти годы Ксения перебивалась случайными подработками. На деньги, которые ей платили, не прокормишь даже морскую свинку, и довольно долго источник ее доходов был для меня загадкой, пока меня не просветила Эмма. «Дорогая, твоя подруга живет за счет любовников».

Ее нынешний бойфренд требует, чтобы к его приходу Ксения всегда выглядела *шикарно*, а поскольку он из тех мужчин, вкусы которых сформированы порнофильмами восьмидесятых, шик в его представлении отдает провинциальным борделем.

— И кем же, по-твоему, оно измордовано? — спросила я и тоже закурила.

— Твоими драгоценными мамочкой и папочкой, разумеется. — Ксения протянула руку за бокалом, отпила вино и раздраженно щелкнула пальцами: — Почему ты вечно куришь, как зэк на лесоповале? Сигарету нужно зажимать между указательным и средним!

— А я как держу?

— Как дротик!

— Мне так удобнее. Кстати, помнишь одну из заповедей: не наезжай на родителей друзей своих?